

Н. Ильминский

**Вступительное чтение в курс
турецко-татарского языка**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н. Ильминский**
Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка / Н. Ильминский – М.:
Книга по Требованию, 2016. – 58 с.

ISBN 978-5-4241-7469-8

Ученые записки, издаваемые Императорским Казанским Университетом.
1861. Книжка 3.

ISBN 978-5-4241-7469-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

этими соглашается библейское преданіе (Книга Бытія 2, 19 и 20). Это же подтверждается опытом малолѣтнихъ дѣтей, которые, какъ только ихъ органъ слова окрѣпнетъ и получитъ способность произносить члено-раздѣльные звуки, часто создаютъ для выраженія своихъ идей свои собственные слова.

Если же языкъ возникъ и сформировался безъ всякаго со стороны человѣка произвола и сознанія, или искусственнаго построенія, то значитъ что сила слова, по отношенію къ нашему сознанію, имѣетъ значеніе вполне объективное, и языкъ въ такой же степени есть естественное произведеніе этой силы, какъ тѣла физическія суть произведенія силъ природы. И потому изъ внутренняго самосозерцанія, синтетическимъ построеніемъ, нельзя постигнуть ни самой силы слова, ни законовъ и родовъ ея произведеній. Это можно исполнить приѣмомъ и методомъ точныхъ наукъ.

Припомнимъ то явленіе, что каждый человѣкъ на родномъ языкѣ выражаетъ свои мысли свободно, но почему онъ такъ именно, а не иначе выразился, это можетъ объяснить не всякій, да и то особымъ актомъ духовной дѣятельности, чрезъ отвлеченіе. Еще, живыя, энергическія и граціозныя произведенія поэзіи нерѣдко были плодомъ непосредственнаго народнаго вдохновенія, а составленныя риторами правила нерѣдко пораждали вирши сухія, черствыя, даже уродливыя. Но особенно замѣтно проявляется творческое превосходство непосредственнаго народнаго гевія въ отдѣльныхъ словахъ: слова созданныя имъ всегда полны смысла, благозвучны, правильны и всѣмъ народомъ приняты

какъ свое родное, тогда какъ введенные ученые термины нѣмало странны, чужды духу языка, и народъ ихъ не принимаетъ.

Назвавши языкъ естественнымъ произведеніемъ объективной силы слова въ такой же степени, какъ тѣла физическимъ суть произведеніа силъ природы, мы можемъ предположить параллель между дѣятельностями этихъ силъ и въ другихъ отношеніяхъ.

Какъ силы природы въ первые времена дѣйствовали съ особенною энергіей и колоссальною производительностію, такъ можно предположить что и мысль человѣческая и сопутствующая ей сила слова въ первое время, когда, новыя, свѣжія, эти силы впервые пришли въ соприкосновеніе съ вышнимъ міромъ, дѣйствовали съ необыкновенною энергіей и производительностію. Языки, повидимому, создались сразу, по крайней мѣрѣ въ главныхъ, характеристическихъ чертахъ. Первое движеніе мысли и слова, обусловленное, кромѣ внутренней природы самихъ этихъ силъ, еще тѣми сторонами какими вышняя природа вoadѣйствовала на нихъ, опредѣлило направленіе и характеръ въ которыхъ имъ оставалось продолжать начатое дѣло. Затѣмъ тянулся болѣе или менѣе длинный періодъ, когда языкъ развивался однообразно, медленно, почти незамѣтно. Но наступали перевороты, подобныя переворотамъ мировымъ, когда языкъ получалъ къ первому направленію новое, обогащался новыми формами и новыми сочетаніями и словами. Перевороты въ природѣ происходили отъ новаго сопоставленія силъ, пришедшихъ въ борьбу разрушавшую старый порядокъ и

производившую новый строй: перевороты въ языкѣ могли возникать отъ сопоставленія различныхъ направленій слова и мысли, то—есть отъ столкновенія различныхъ народовъ и племенъ.

Не стану впрочемъ развѣивать фантастическое построеніе исторіи образованія языковъ. Это есть искуемое филологической науки, и должно завершать ея послѣдованія. Но мнѣ представляются положительно вѣрными слѣдующія положенія.

Языкъ есть естественное произведеніе объективной силы слова.

Онъ есть точное отраженіе мысли, и всегда шѣлъ въ уровень съ развитіемъ понятій въ народѣ.

Онъ возникъ и опредѣлился въ главныхъ существенныхъ чертахъ на основаніи цѣльнаго воззрѣнія на природу внутреннюю и внѣшнюю, и развивался въ духѣ и направленіи исходи положенныхъ началъ.

Послѣдующія измѣненія въ языкѣ происходили отъ соприкосновенія съ чужими племенами, вывѣвшими свой языкъ и свой кругъ идей, но однакожь эти новыя идеи и формы ихъ выраженія всегда ассимилировались народомъ ихъ воспринимавшимъ.

Итакъ языкъ представляетъ собою организмъ. Будемъ ли разсматривать въ настоящемъ его составѣ, это есть цѣлое построенное по нѣкоторому плану, по нѣкоторымъ законамъ. Если будемъ смотрѣть на языкъ исторически, во все проглаженіе времени отъ его возникновенія до нынѣ, онъ есть какъ—бы живое существо, которое родилось по опредѣленному типу, развивалось, терпѣло отъ времени до времени пере-

мѣты, не выходя изъ границъ своего кореннаго типа. и, не смотря на долгій рядъ столѣтій, сохраняла внутренне единство, свой характеръ, свой природный типъ. Нельзя не подивиться этой прочности языка, его неизмѣнной вѣрности своей первоначальной природѣ, когда представляешь что этотъ организмъ не имѣетъ самостоятельнаго бытія, а существуетъ, какъ нѣкій паразитъ, въ мысли и устахъ многочисленныхъ поколѣній какъ волны одни другими смѣнявшихся, и различныхъ племенъ, хотя существующихъ въ одно время, но другъ отъ друга отдаленныхъ и даже, быть можетъ, не подозревающихъ существованія другъ друга. По этой-то удивительной стойкости и прочности языка, при его непосредственной связи съ мышлениемъ народнымъ, филологія оказываетъ великія услуги исторіи, выводи изъ часто лингвистическихъ изысканій положительныя заключенія объ умственномъ и общественномъ состояніи племенъ въ такое древнее время, отъ котораго не осталось никакихъ памятниковъ, никакихъ слѣдовъ.

Но обратимся къ языку Турецко-Татарскому. Замѣчу мимоходомъ что предметъ нашихъ занятій названъ этимъ именемъ произвольно, и не совсемъ точно. Его лучше было бы назвать языкомъ Тюркскимъ, потому что онъ принадлежитъ Тюркамъ, и восточные народы называютъ его *тюрки*.

Мы знаемъ что Тюркскій языкъ теперь есть выраженіе общее, родовое, отвлеченное, которое обнимаетъ много разныхъ диалектовъ. Но было, безъ сомнѣнія, время когда тюркское племя было одно, когда оно не развѣтвилось еще на разные отрасли, когда слѣдовательно и языкъ Тюркскій

былъ единый языкъ. По раздѣленіи тюркскихъ племенъ, у каждаго явились особенности въ нарѣчіи. Эти діалектическія разности зависятъ: или отъ того что изъ богатой сокровищницы кореннаго языка одно племя беретъ одну часть, другое — другую, или отъ того что разные племена развиваютъ различныя стороны, которыя въ зачаткѣ уже существовали въ коренномъ языкѣ до эпохи раздѣленія племенъ, или отъ того что разные племена подвергались различнымъ вліяніямъ отъ чужихъ племенъ — вліяніямъ общественнымъ, умственнымъ и религіознымъ. Слѣдовательно по одному нарѣчію нельзя знать что въ немъ свое коренное и что пришлое, что хранится неизмѣнно, какъ наслѣдство вынесенное изъ общей родины, и что выработано собственно отдѣльною дѣятельностію. Хотя каждое тюркское нарѣчіе носитъ на себѣ печать общаго тюркскаго типа, не можетъ представлять его вполне и именно въ его существенныхъ чертахъ. Только изъ всѣхъ нарѣчій слагается общая сумма Тюркскаго языка. Отдѣльный діалектъ, сколько бы онъ ни былъ развитъ и богатъ, какъ напримѣръ Османскій или константинопольскій, въ дѣлѣ филологическаго изученія, есть только частный представитель общаго типа, не имѣющій рѣшительнаго преимущества предъ другими родственными нарѣчіями. Даже, если его поставить предметомъ изученія, то и онъ одинъ не можетъ основательно быть понятъ безъ сравненія съ другими тюркскими нарѣчіями.

Итакъ, для основательнаго и полнаго изученія Тюркскаго языка, необходимо принять во вниманіе и изучать всѣ тюркскія нарѣчія, какъ равнозначашіе представители общаго

зыка, одни другими дополняющіеся, одни другими обясняемые.

Необходимость эта еще очевиднѣе представится, когда въ словарѣ и грамматическихъ формахъ языка мы будемъ слѣдить запасъ идей и воззрѣній, какія были выработаны Тюрками въ древнія времена. Тюрки въ старину были племя кочевое, исповѣдывавшее шаманскую вѣру. Впослѣдствіи времени нѣкоторыя племена приняли религію ислама, а иныя, кромѣ того, оставили кочевую жизнь и поселились въ городахъ и селеніяхъ, осѣдло. Разность быта и особенно религій должна была имѣть вліяніе на ихъ понятія. Поэтому, въ отношеніи археологическомъ, весьма любопытны нарѣчія Тюрковъ доселѣ оставшихся кочевыми, и еще болѣе любопытны тѣ племена, которыя удержали древнюю вѣру, шаманскую. Но иногда бываетъ и то что, утративъ старинную идею, народъ бессознательно хранитъ, какъ памятникъ ея, какое-нибудь слово или выраженіе, придавая ему другое значеніе. Чтобы возстановить систему первоначальнаго воззрѣнія Тюрковъ, необходимо собрать въ одинъ фокусъ всѣ нарѣчія и изъ сравнительнаго изученія ихъ выводить заключеніе о первоначальномъ ихъ состояніи.

Надѣюсь что, по крайней мѣрѣ, мой выводъ о сравнительномъ изученіи тюркскихъ нарѣчій не долженъ казаться неяснымъ для слушателей—филологовъ, которые имѣютъ дѣйствительный примѣръ подобнаго изученія въ нарѣчіяхъ Словянскихъ.

Перейдемъ теперь къ цѣли практической. Тюркскій языкъ для насъ полезенъ въ сношеніи съ Тюрками.

Самое могущественное въ политическомъ и наиболѣе развитое въ общественномъ отношеніи изъ тюркскихъ племенъ суть Османлы — оттоманскіе или константинопольскіе Турки. Съ этими сильными сосѣдями Россія съ давнихъ поръ имѣетъ сношенія, преимущественно политическія. Съ давнихъ поръ, у насъ были люди знавшіе Османское нарѣчіе или, какъ его называютъ, Турецкій языкъ. Мнѣ случилось видѣть въ Киргизской степи двѣ тарханскія грамоты пожалованныя батырямъ и старшинамъ Табынскаго рода Императрицею Екатериною II, въ 80-хъ годахъ. Грамоты эти на Русскомъ языкѣ, но, вѣроятно чтобы ихъ сдѣлать понятными для Киргизовъ, онѣ были переведены тогда же въ Петербургѣ на Турецкій языкъ. При тойже Императрицѣ, для татаръ переведены Губернскія учрежденія и Уставъ благочинія также на Турецкій языкъ. Отсюда можно заключить что, по видимому, въ прошломъ столѣтіи, въ Иностранной Коллегіи знали только Турецкій языкъ, по крайней мѣрѣ считали его вполне достаточнымъ и совершенно понятнымъ для всѣхъ народовъ тюркскаго корня.

Внутри нашего отечества есть множество инородцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ татаръ. Мы говоримъ: татары Казанскіе, Касимовскіе, Астраханскіе, Крымскіе, Сибирскіе и проч. Такъ что, по нашей терминологіи, татаринъ есть всякій инородецъ тюркскаго корня, исповѣдующій, въ добавокъ, магометанскую вѣру. Здѣшніе татары не называютъ себя этимъ именемъ. Они называютъ себя *мусульманъ* — по религіи, и не даютъ себѣ, кромѣ этого, никакого племеннаго или народнаго названія. Среднеазіатскіе народы и Киргизы назы-

вають здѣшнихъ татаръ — *мосей*. Въ старину, какъ показано въ Книгѣ большого чертежа, на сѣверо-западъ отъ Сяпго (Аральскаго) моря до Яика и сюда ближе, кочевали Ногаи: такъ во старой, быть можетъ, памяти всякаго тюрка, который появлялся, напримѣръ, въ Бухарѣ съ этой стороны и называютъ ногоемъ. Сравнительное языкованіе должно рѣшить изъ какаго тюркскаго племени выродились наши здѣшніе татары, — изъ ногайскаго ли въ самомъ дѣлѣ, или другаго какаго, но только не изъ татарскаго.

Въ древности Татаръ было сильное племя, которое, по указанію Рашидеддина и китайскихъ лѣтописцевъ, жило ближе къ Китайской границѣ, и относилось по языку къ монгольской группѣ, такъ что подъ этимъ именемъ были сначала извѣстны и монголы и Чингизъ-Ханъ и происшедшая отъ него династія (Труды Восточн. Отд. Археолог. Общ., часть IV, 216 — 235 и еще часть V, 49 — 70). Припомните что папскіе и другіе европейскіе посланники отправлялись въ глубину Азіи — къ татарамъ. Такимъ образомъ можно думать что, въ эпоху Золотой Орды, татаръ было названіемъ царствующей династіи: авторъ «Семи планетъ» династію крымскую, происшедшую отъ золотоордынской, называетъ *деулетиметарь*. Отъ династій это названіе распространилось и на подданныхъ, къ какимъ бы племенамъ они ни относились, — китайскій обычай называть народъ и страну по имени царствующей династіи.

Золотая Орда разрушилась. Изъ обломковъ ея образовалось Казанское Царство. Казань сдѣлалась представительницею Татаръ.

Казань и теперь есть важный и, можно сказать, центральный пункт для мусульmano-тюркских жителей Россіи. По многочисленнымъ училищамъ въ городѣ и окрестностяхъ, по учености здѣшнихъ муллъ, съ другой стороны — по торговой предприимчивости здѣшнихъ татаръ, наконецъ по книжной промышленности исключительно изъ Казани распространяющейся повсюду, значеніе и извѣстность Казани велики и обширны.

Надобно отдать справедливость здѣшнимъ мулламъ — образованнѣйшему и уважаемому сословію между татарами, за ихъ магометанско-религіозную ученость, долгимъ и тяжелымъ трудомъ приобретаемую. Но также справедливость требуетъ сказать что они имѣли вредное вліяніе на татарскій языкъ. Они постоянно смотрѣли и смотрять на языкъ какъ книжники. Живой, народный языкъ для нихъ представляется и грубъ и бѣденъ, и даже безъ всякихъ правилъ и законовъ. И произвели они книжный языкъ, который считается тѣмъ лучше и краснорѣчивѣе, чѣмъ дальше онъ отъ народной рѣчи, чѣмъ больше укрытъ лоскутьями изъ разныхъ другихъ языковъ — арабскаго и персидскаго, и грамматическими формами то османскими, то джагатайскими. Онъ не сложился во что-нибудь опредѣленное, что можно было бы назвать языкомъ, потому что каждый пишетъ по своему вкусу и крайнему разумѣнію, имѣя, кажется, общее одно — опасеніе какъ бы не написать по простонародному. Замѣтимъ что муллы старались, и не безъ успѣха, уничтожить въ народѣ остатки ихъ древнихъ, домусульманскихъ преданій и обычаевъ.

Около семидесятого года прошедшаго столѣтія начали преподавать въ Казани татарскій языкъ, который былъ признанъ полезнымъ для управленія инородцами—татарами. Первыми учителями были татары *). Можно съ увѣренностію предположить что они смотрѣли на это дѣло глазами муллы, и преподавали такъ называемый книжный языкъ. Но давно ли и у насъ стали серьезно и уважительно относиться къ живому народному языку, слышшему, съ легкой руки знаменитаго профессора элоквенція, за языкъ подлый, и давно ли русская грамматика оставила притязаніе учить русскихъ правильно говорить и писать по-русски! Предпочтеніе къ книжности и ученый авторитетъ мулла былъ такъ силенъ даже въ глазахъ русскихъ, что О. Гигановъ, въ Тобольскѣ, подвергъ свой Словарь и Грамматику суду юртовскихъ муллъ. О. Троянскій, владѣвшій татарскимъ языкомъ какъ роднымъ и выучившійся ему съ малолѣтства отъ деревенскихъ татаръ, ввелъ въ свои сочиненія слова и обороты книжно-татарскіе; преемникъ его О. ОписиФоровъ перевелъ православный катихизисъ и исторію, для крещеныхъ татаръ, на языкъ почти совершенно Турецкій. И не очень давно труды подобнаго рода, въ которыхъ и я принималъ дѣя-

*) Именнымъ указомъ Императрицы Екатерины II, 1769 года, поручено было преподаваніе татарскаго языка въ Казанской гимназіи Сагату Хальфину, послѣ котораго послѣдовательно продолжали это дѣло сынъ и внукъ его — Исхакъ и Ибрагимъ Хальфины, послѣдній умеръ въ 1828 году. Смотрите Труды Восточнаго Отдѣленія Археолог. Общества, 1856, часть 2, стр. 28, гдѣ отчасти указаны лингвистическія воззрѣнія Ибрагима Хальфина.